
ФИЛОСОФСКИЙ ПОРТРЕТ

И. А. ГОБОЗОВ

Р. АРОН – КРУПНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ XX ВЕКА

Статья посвящена выдающемуся французскому философу XX века. В ней наряду с теоретическими проблемами излагаются некоторые биографические сведения о Р. Ароне.

Ключевые слова: Арон, неокантианство, философия истории, позитивизм, познание, понимание, интерпретация, история.

Реймон Арон родился 4 марта 1905 г. в Париже. Высшее образование получил в привилегированном учебном заведении – в Высшей нормальной школе, куда поступил в 1924 г.

После окончания Высшей нормальной школы в 1928 г. Арон несколько лет преподавал философию в Гавре, в 1930–1933 гг. с небольшими перерывами находился в Германии. Там он вначале увлекся марксизмом, но это увлечение было недолгим. От марксизма он перешел к неокантианству. Известно, что Кант в работе «Критика чистого разума» пытался разрешить методологические и теоретические проблемы естествознания. А «под “критикой” Кант понимает, во-первых, точное выяснение познавательной способности, или душевной силы, к которой обращается каждая отрасль знания и философии. Во-вторых, под “критикой” Кант понимает исследование границ, дальше которых не может простираться – в силу устройства самого сознания – компетенция теоретического и практического разума, философии искусства и философии природы»¹.

Арон писал, что после возвращения из Германии он способствовал германизации французской философии и что он принадлежит к тому поколению, которое ввело в философию ряд специфических немецких тем.

¹ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. – М., 1973. – С. 26–27.

Восприняв неокантианские идеи, Арон написал книгу «Критическая философия истории», в которой проанализировал взгляды В. Дильтея, Г. Риккерта, Г. Зиммеля, М. Вебера. Этой работой Арон хотел доказать, что идеи неокантианцев являются теми идеями, которыми следует руководствоваться в критической философии истории.

С первых же страниц книги Арон восстает против гегелевской философии истории. «Критическая философия истории, – заявляет он, – отказывается от того, чтобы постичь конечный смысл развития общества»². Это негативное отношение к историософии Гегеля проходит через все последующие работы Арона и его последователей. 18 марта 1938 г. Арон представил в Сорбонне в качестве докторской диссертации «Введение в философию истории», хотя вначале предполагал защитить диссертацию по критической философии истории. Вот как об этом вспоминает он сам: «Вначале я хотел в качестве докторской диссертации представить “Критическую философию истории”. Леон Брюншвик прочел рукопись (до внесенных мною исправлений) и очень резко ее раскритиковал. Он мне прямо заявил, что “мое дело может закончиться неудачей”, если я буду давать туманную интерпретацию, в конце концов, второстепенных философов... Во время отпуска в 1935 г. я заново пересмотрел полностью “Критическую философию истории” и решил написать другую диссертацию, посвященную собственной версии критики исторического Разума»³.

Диссертация была блестяще защищена, и Арону присудили степень доктора философии.

Во время оккупации Франции Германией (1940–1944) Арон, будучи в эмиграции в Лондоне, редактировал ежемесячный журнал «Свободная Франция» (“La France libre”). После освобождения Франции Арон сотрудничал в газетах “Combat” и “Le Figaro”, в журналах “Preuves” и “Express”.

С 1955 по 1968 г. Арон заведовал кафедрой социологии в Сорбонне, а с 1970 г. до конца своей жизни – кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс. В 1963 г. Арон был избран членом французской Академии моральных и политических наук.

² Aron R. La philosophie critique de l'histoire. – Paris, 1969. – P. 15.

³ Idem. Memoires. – Paris, 1983. – P. 111.

Он был также почетным членом многих зарубежных академий, почетным доктором Гарвардского, Колумбийского, Брюссельского и многих других университетов.

Арон был ярким антикоммунистом, антисоветчиком и правым либералом. На этой почве он резко разошелся со своим однокурсником Сартром.

Умер Реймон Арон в 1983 г. в Париже, похоронен там же.

* * *

С Р. Ароном я познакомился заочно, еще будучи студентом философского факультета МГУ. Я прочел его книгу "Dix-huit leçons sur la société industrielle" («18 лекций об индустриальном обществе»), написал ему письмо, в котором выражал свое критическое отношение ко многим его рассуждениям (студенту все простительно). Я, конечно, не ожидал от него никакого ответного письма, но тем не менее через некоторое время получил письмо, в котором он все мои критические замечания с полным основанием отверг.

Дипломную работу, а потом кандидатскую диссертацию я посвятил в основном социологическим воззрениям Арона. После защиты кандидатской диссертации я решил поехать в Париж, в Коллеж де Франс, в котором работал Арон. В качестве научного консультанта я еще в Москве избрал Арона. При первой же встрече он произвел на меня огромное впечатление: широко эрудированный, всемирно известный и вместе с тем очень простой, доступный и обаятельный человек. Принял меня очень тепло, спросил, чем буду заниматься. Я ответил, что пишу докторскую диссертацию по современной французской философии истории, что читал его философско-исторические труды и они произвели на меня глубокое впечатление. Он одобрил мои планы, сказал, чтобы я обращался к нему за советами в любое время. Так я целый год провел с крупнейшим мыслителем современности. В знак глубокого уважения к памяти своего учителя (он мне подарил одну из своих работ с дарственной надписью: «Гобозову – симпатичному и верному студенту») я перевел и издал со своими комментариями его книги: «Воображаемые марксизмы», «Критическая философия истории», «Введение в философию истории», «Измерения исторического сознания», «Лекции по философии истории».

В нашей стране Р. Арон известен в основном как политолог и социолог. Между тем он является основоположником **критиче-**

ской философии истории, сыгравшей важнейшую роль в философской жизни Франции.

Как известно, во французской историографии прошлого века позитивистская интерпретация исторического процесса имела сильное влияние. Эта интерпретация выступала против философских теоретических обобщений, признавала только «факты» и ничего, кроме фактов. Крупные историки Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос выступили с книгой «Введение в изучение истории», в которой рассматривают «условия и приемы исследования, характер и пределы знания в истории»⁴. Авторы заявили, что философия истории не пользуется уважением и что сами они выступают против нее. Известный историк-позитивист Г. Моно в журнале “Revue historique” опубликовал статью, которая «явилась своего рода манифестом французских историков позитивистского толка. В поддержку линии нового журнала высказались 53 ведущих историка Франции того времени – античники Ренан, Масперо, Дюрюн и др.; медиевисты Бутарик, Шеруэль, Делиль, Фюстель де Куланж, Жири, Лависс, Лот, Люс, Виоле, Молинье, Кишера и др.; историки нового времени Тэн, Сорель и др.»⁵.

Позитивисты выступали против широких философско-исторических обобщений, полагая, что последние неизбежно будут носить спекулятивный характер. Они утверждали, что задача историка заключается не в установлении истинности тех или иных событий и фактов, а в констатации этих фактов и событий. Они игнорировали мотивы действий людей, переживания участников событий. Исторический факт представлялся не как результат деятельности людей, наделенных сознанием и поступающих сознательно, а как некое естественное явление.

Позитивисты предлагали устанавливать лишь факты с помощью текстов. «Каждый согласился бы с тем, что задача историка – установить факты, а потом пустить их в ход. Все это было верно, все это было ясно, но чересчур общо, особенно если смотреть на историю единственно только как на совокупность различных фактов. Такой-то король родился в таком-то году, в таком-то месте. Там-то и там-то он одержал решающую победу над соседями»⁶.

⁴ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – СПб., 1899. – С. 2.

⁵ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. – М., 1985. – С. 167–168.

⁶ Февр Л. Бой за историю. – М., 1991. – С. 13.

Позитивизм завел французскую историческую науку в тупик. Изучение голых фактов и событий, тем более политических, не позволяло теоретически реконструировать историческое прошлое. Это стали понимать историки, особенно молодого поколения. Поэтому часть из них ушла в марксистскую философию истории, другие во главе с Л. Февром и М. Блоком в 1929 г. основали журнал "Annales" («Анналы»), посвященный глубокому изучению исторического прошлого. «Анналовцы» заявили, что позитивистские интерпретации исторического прошлого малопродуктивны, поскольку они свели историческую науку лишь к констатации фактов. Между тем она есть наука о людях во времени⁷. Многие оказались под влиянием критической философии истории, разработанной Р. Ароном. В отличие от позитивистов Арон считал, что без философского осмысления историческая наука никогда не выйдет из кризисного состояния. Главное внимание следует уделять **гносеологическим** вопросам исторического познания, критическому анализу исторических фактов и событий.

Критическая философия истории нашла многих сторонников как среди философов, так и среди историков. К ней примкнули Г. Фессар, Ж. Лалуа, Э. Дардель, П. Вейн, А. Мару и другие.

В 1954 г. Мару выпустил книгу «Об историческом познании», выдержавшую шесть изданий (последний раз вышла в 1973 г.), опубликовал множество статей по философии истории.

Мару обрушился с критикой на позитивизм. Последний, по его утверждению, господствовал во французской историографии вплоть до середины 30-х гг. XX в., до выхода работ Арона по критической философии истории. Само критическое направление, по Мару, возникло как реакция на позитивизм, который оказал вредное влияние на французскую историческую науку. Критическая философия истории, подчеркивает Мару, противопоставляет позитивистскому методу анализа истории новый исторический взгляд, заключающийся в том, что на первый план выдвигается активная роль сознания историка-исследователя. Его опыт, его любознательность конструируют историю.

Критическая философия истории подвергла справедливой критике позитивистов-историков, которые, как уже отмечалось, не

⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986. – С. 18.

признавали в историографии ничего, кроме фактов, и отрицали методологию философии истории. В критике позитивизма особенно отличился Мару. Историк по профессии, он понял, что позитивистская интерпретация социальных явлений не дает положительных результатов. Но Мару очень широко толкует термин «позитивизм». Собственно говоря, для него позитивистами являются все те, кто не согласен с критической концепцией. Ратуя за философию истории, за ее применение к анализу исторического процесса, Мару вслед за Ароном предупреждает, что он имеет в виду не гегелевскую историческую философию, а критическую. «Речь идет не о философии истории в гегелевском смысле, не о рассуждениях о становлении человечества, рассматриваемого в единстве, и не о том, чтобы из него выделить законы, или, как сегодня говорят, придать ему смысл, но речь идет о критической философии истории, о размышлении над историей, посвященном рассмотрению проблем логического и гносеологического порядка...»⁸

Основной посылкой критической философии истории является категория понимания. Она исходит из того, что исторический процесс, исторические факты нужно понять. «Мы говорим о понимании, – пишет Арон, – когда познание выделяет значение, имманентное реальному, которое мыслилось или могло мыслиться теми, кто его пережил или создал»⁹. Для того чтобы исследовать специфику исторического познания, считает Арон, необходимо прежде всего познать и понять самого себя, а также другого, ибо историк одновременно является актером и зрителем: он ищет в прошлом самого себя и другого. В этой связи он вводит понятия познания самого себя и познания другого. Каждый человек считает, что себя знает лучше, чем другие, хотя, может быть, на самом деле другие его лучше знают. Познание самого себя Арону кажется неразрешимой задачей. Цель этого познания тоже не совсем ясна. Знать себя, полагает Арон, значит стать историком своего прошлого, психологом своего характера, быть в состоянии открыть свои способности, выбрать свое желание и т. д. Но, по мнению Арона, это невозможно. Чтобы знать прошлые поступки, необходимо выяснить мотивы этих поступков. Но и это, с точки зрения Арона, не-

⁸ Marrou H.-I. De la connaissance historique. – Paris, 1973. – P. 11–12.

⁹ Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. – Paris, 1938. – P. 51.

возможно. Ведь человек меняется. Когда принималось решение, у человека было одно состояние, а после принятия решения, особенно если прошло много времени, состояние стало другим. Человек, например, вспоминает некоторые эпизоды из своего детства, вызывающие у него чувство стыда. Однако это чувство не похоже на те, которые были в детстве, ибо это чувство взрослого человека, а не ребенка. Человек постоянно меняется.

Познание самого себя предполагает всестороннее и полное изучение человека. «Знать себя, – пишет Арон, – не значит знать фрагмент своего прошлого, свой интеллектуальный опыт, свои чувства. Знать себя – значит знать себя полностью»¹⁰. Но познание, по мысли Арона, этого не достигает. Ибо чем больше мы изучаем себя, тем больше вопросов возникает о нашем собственном «Я». Иными словами, познание самого себя бесконечно. К тому же в процессе познания самого себя мы меняемся, и поэтому наше знание о самом себе всегда носит релятивный характер.

От познания самого себя Арон переходит к познанию другого. Речь идет о том, в каких случаях мы знаем, вернее, понимаем другого, какие у нас для этого есть возможности, с помощью каких средств возможно познание другого.

Арон рассматривает прежде всего три формы непосредственного познания другого. Суть первой формы заключается в том, что с помощью выражения лица схватывается настроение человека; вторая форма является анонимной, экспрессивной. Она ограничивается интерпретацией жестов или слов, которые сами по себе понятны. Арон отмечает, что эти формы познания другого мы встречаем в повседневной жизни, потому что они – необходимый компонент нашей жизни. Третья форма познания является опознанием по симпатии, по эмоциональной общности.

Арон более подробно анализирует первую форму познания другого – экспрессивное познание. Например, мы знаем, пишет он, что человек, сжимающий кулаки, разгневан. Арон отмечает, что традиционная теория объяснила такую форму познания рационалистически, через аналогию: «Мы знаем по личному опыту жесты, соответствующие гневу. Найдя эти жесты у другого, мы по анало-

¹⁰ Aron R. Introduction à la philosophie... – P. 59.

гии приписываем ему соответствующие чувства. Но такая теория неприемлема. Наши эмоции мы осознаем внутри себя, но мы обычно почти не знаем открытого проявления этих эмоций. К тому же допустимая идентичность выражения эмоций другого и наших абсолютно не мотивирована: уподобление по крайней мере должно иметь в качестве условия и последствия обобщение случаев, но мы видим только определенные состояния в абстрактных выражениях вместо единичных ситуаций и уникальных выражений»¹¹. Таким образом, Арон отказывает разуму в способности узнавать жесты, вообще внешние выражения другого человека. Каким же образом эти жесты все-таки познаются? Арон утверждает, что только интуитивно можно схватить смысл внешних жестов другого человека. Если я вижу человека со сжатыми кулаками, то я интуитивно чувствую, что этот человек разгневан, хотя сам такого состояния не испытываю.

По мнению Арона, между познанием самого себя и познанием другого существуют противоречия. Это значит, что те знания, которые я имею о себе, и те, которые другие имеют обо мне, а также те, которые я имею о других, не совпадают.

Познание самого себя и познание другого служат Арону переходным мостиком к историческому познанию. Познание самого себя и познание другого, по мнению Арона, проходят в интимной атмосфере: мы в обоих случаях имеем дело со своими современниками, с которыми у нас много общего. Поэтому наша задача здесь облегчается. В историческом познании, утверждает Арон, нет этой интимной атмосферы, потому что исследователь и люди прошлой эпохи, деятельность которых он изучает, лишены возможности непосредственного общения. Ученый сам конструирует прошлое, воспроизводит его. Поэтому, считает Арон, адекватность реконструкции исторического прошлого зависит от субъекта-исследователя. Отсюда Арон делает общее заключение: «История принадлежит не к порядку жизни, а к порядку духа»¹². Р. Арон пишет, что существуют различные системы интерпретации исторического прошлого. Это связано со сложностью и многообразием самого исторического процесса. В этой связи Арон прежде всего рассмат-

¹¹ Aron R. Introduction à la philosophie... – P. 64.

¹² Ibid. – P. 86.

ривает систему коммуникации между людьми. Для общения между собой люди используют определенные системы знаков, которые они получают извне. Так, например, то или иное слово имеет определенное зафиксированное значение, но то значение, которое ему придает каждый индивид в данный момент, отличается от общепринятого, полученного извне. В обычной беседе, чтобы заполнить интервал между тем, что хотят сказать, и тем, что говорят, вынуждены прибегать к жестуляции. Но люди понимают друг друга с трудом, потому что не всегда можно понять жесты своего собеседника. Гораздо труднее интерпретировать прошлое. «Когда собеседники отделены друг от друга веками, единственная интерпретация языка заключается в реконструкции использованных систем... но нет никогда уверенности в том, что можно добиться только одной возможной интерпретации...»¹³

Хотя, по мнению Арона, в историческом познании основную роль играет категория понимания, тем не менее нельзя игнорировать и категорию объяснения. В этой связи он останавливается на двух моделях объяснения исторических фактов и событий, имевших широкое распространение в западной философии истории во времена французского мыслителя. Речь идет о моделях американского философа и логика К. Г. Гемпеля и канадского философа У. Дрея.

Модель Гемпеля называют еще дедуктивным методом объяснения истории. Она базируется на универсальных или всеобщих законах. Ее суть состоит в том, что высказывание о данном событии логически выводится из некоторых высказываний о предшествующих или сопутствующих обстоятельствах и из некоторых эмпирически проверяемых общих законов и теорий. Например, существует физический закон, согласно которому вода замерзает при температуре ниже нуля. Зимой машина была оставлена на улице с водой в радиаторе. Радиатор вышел из строя. Вывод: это произошло потому, что температура воды опустилась ниже нуля. Таким образом, вывод дедуцируется из универсального физического закона. Это относится не только к природным, но и к общественным явлениям.

¹³ Aron R. Introduction à la philosophie... – P. 91.

К. Г. Гемпель считает, что любое индивидуальное событие не может быть полностью описано и объяснено: «Например, различные аспекты убийства Юлия Цезаря включают факт того, что Брут и Кассий составили политический заговор, что Брут и его друзья-заговорщики занимали такую-то и такую-то политическую позицию и стремились к тому-то и к тому-то, что Цезарь получил такие-то и такие-то раны, что, если можно положиться на мнение, с которым я столкнулся несколько лет тому назад и которое могло бы быть поддержано физикой, с каждым вдохом мы вдыхаем те молекулы кислорода и азота, которые были выдохнуты Цезарем в его последнюю минуту. Очевидно, полная характеристика индивидуального события, не говоря уже об объяснении, в этом смысле слова невозможна»¹⁴.

Арон резонно критикует модель Гемпеля. С его точки зрения, она не отвечает на вопрос, каковы те общие предложения, из которых выводится единичная связь. Неясно, идет ли речь просто об универсальных законах или об эмпирической повторяемости. Неясно также, чем причины отличаются от antecedentов? Главный недостаток модели Гемпеля Арон видит в том, что она не учитывает специфику исторического познания, связанного, в отличие от познания природных процессов и явлений, с изучением жизни людей, которые мыслили, творили, воспитывали детей, приумножали богатства и т. д. Одним словом, Гемпель распространяет законы природы на общество и отождествляет социальные и природные феномены.

Нельзя не согласиться с Ароном. Действительно, необходимо учитывать качественную разницу между историческим познанием и познанием природных фактов. Гемпель, например, пишет, что убийство Цезаря нельзя объяснить полностью. Видимо, абсолютно объяснить и истолковать ничего невозможно, но относительно это можно сделать. С точки зрения физики смерть Цезаря легко объяснить, так как известно, что после получения определенного количества ран человек умирает. Цезарь получил множество ран и поэтому скончался. Но исследователю важно знать не столько причины физической смерти римского диктатора, сколько причины его

¹⁴ Гемпель К. Г. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология науки* / под ред. И. С. Кона. – М., 1977. – С. 80.

убийства, а это уже никакими законами физики не объяснить, ибо здесь действуют законы истории.

Модель Дрея называют еще рациональным объяснением исторических фактов и событий. Историк при изучении действий людей сталкивается с определенными трудностями, так как он не знает мотивов, лежащих в основе этих действий. Объясняя убийство Цезаря, надо знать мотивы действий его убийц. Плутарх, например, объяснял их стремлением Цезаря к неограниченной власти, что, конечно, верно, но недостаточно. Поэтому для их понимания необходимо иметь информацию о том, как люди оценивали свое положение и чего они хотели добиться, когда совершали свои действия. Историк начинает понимать поступки человека лишь тогда, когда он устанавливает их разумность в свете собственных представлений.

Чтобы продемонстрировать рациональный метод объяснения, предложенный У. Дреем, Арон в качестве примера приводит Франко-прусскую войну 1870–1871 гг.: «...Бисмарк хотел начать войну против Франции в 1870 г. Кризис в Испании и демарш французского посла в Пруссии предоставили ему удобный случай: он подделал телеграмму из Эмса, чтобы добиться поставленной цели, то есть начать войну, причем в благоприятных условиях, поскольку Франция выглядела бы агрессором»¹⁵.

Арон выразил свое отношение и к модели Дрея. Он считает, что она более плодотворна, поскольку учитывает специфику исторического познания и включает в себя категорию понимания, без которого всякое исследование прошлого человеческого общества исключается. Но вместе с тем он высказывает ряд критических замечаний в адрес модели Дрея. Арон полагает, что ее автор допускает большую ошибку, вытекающую из того, что, по Дрею, рациональные объяснения могут базироваться скорее на принципах действий, чем на принципах всеобщих законов. Но принципы действия, по мнению Арона, вызывают споры, так как указание на то, что действие было рациональным, еще не означает, что мы объяснили поведение исторических субъектов. Объяснение через принцип действия или здравого смысла не есть объяснение, так как здравый

¹⁵ Aron R. *Leçons sur l'histoire // Cours du Collège de France. Etablissement du texte, presentation et notes par Sylvie Mesure.* – Paris, 1989. – P. 126.

смысл есть просто здравый смысл. Историк не должен приписывать субъекту истории свои собственные мысли и цели. Его задача заключается в том, чтобы попытаться выяснить, как исторические личности видели мир и как с учетом этого видения они принимали то или иное решение.

Тем не менее Арону больше импонирует модель Дрея, в которой используется категория понимания, она во многом близка герменевтике. Арон положительно относится к герменевтике, которую, как он считает, необходимо использовать в историческом познании. Он не ограничивается гносеологическими проблемами истории. В его богатом духовном наследии важное место занимают *онтологические* проблемы: проблемы социального детерминизма, смысла истории, общественного прогресса и др.

Коснемся в первую очередь проблем социального детерминизма. История представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором воедино связаны географические, материальные (экономические), духовные, социальные, политические и другие факторы. Поэтому очень сложно найти среди них такой фактор, который играл бы решающую роль в движении общества по восходящей линии. А без выяснения такого фактора трудно изучить имманентную логику исторического процесса, объяснить мотивы и поступки людей в ходе их жизнедеятельности.

Как известно, мыслители всех времен пытались найти социальные детерминанты, то есть определяющие факторы развития общества. Одни их искали в географическом факторе (Монтескьё, Мечников), другие – в духовном (Гольбах, Дидро, Конт, Гегель и многие другие), третьи – в материальном (Маркс).

Арон анализирует в первую очередь концепцию географического детерминизма. Согласно этой концепции географический фактор детерминирует жизнь человеческого общества. Одни и те же географические условия порождают одни и те же последствия. «Но тут же обнаруживаются трудности. Как определить одни и те же географические условия, одни и те же социальные феномены? Если доводить до конкретного своеобразия, то никогда не найдут ни два одинаковых острова, ни две одинаковые долины, ни два одинаковых плоскогорья. Не найдут и два одинаковых племени или образа жизни. Скажут, что это выражение несерьезное и поверхно-

стное. Принцип неразличимости не запрещает организации фактов с целью их понимания. Конечно, но бесполезно напомнить, что термины, которые хотят связать, сконструированы, а не даны. Поэтому решающим условием каузального поиска является расчленение терминов и дефиниций понятий»¹⁶.

Арон также категорически отвергает духовный и материальный факторы как детерминанты общественного развития. Он сам является горячим сторонником теории факторов, утверждающей, что нет единственной детерминанты всего исторического процесса, что все факторы – географический, духовный, материальный – равнозначны, но на той или иной стадии исторического развития тот или иной фактор определяет все социальные феномены. Много внимания Арон уделял вопросам общественного прогресса. Прежде всего он рассматривает понятие прогресса с точки зрения количественного роста. «...Некоторые виды человеческой деятельности, – пишет Арон, – имеют такой характер, который нельзя не признать превосходством настоящего над прошлым и будущего над настоящим. Это такие виды деятельности, продукты которых накапливаются и результаты которых имеют количественный характер. История человечества содержит в себе момент сохранения, она не есть только трансформация. Она предполагает, что люди имеют различные социальные институты, что они творят и что эти институты и творения людей сохраняются. История существует потому, что сохранение результатов деятельности человека ставит перед различными поколениями вопрос о том, чтобы принять или отказаться от прошлого наследия. В разных областях жизни ритм будущего зависит от характера ответа каждого поколения на отношение к достижениям предшествующих поколений. Сохранение наследия прошлого позволяет говорить о прогрессе лишь в том случае, когда новое поколение не только сохраняет предшествующий опыт, но прибавляет к нему что-то свое»¹⁷.

Если раньше Арон признавал частичный прогресс и связывал его с количественным ростом, то после майско-июньских событий 1968 г. во Франции, в которых самое активное участие принимали

¹⁶ Арон Р. Избранное: введение в философию истории / отв. ред., пер. и сост. И. А. Гобозов. – М., 2000. – С. 380.

¹⁷ Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. – Paris, 1962. – P. 77.

французские студенты и которые всколыхнули всю страну, Арон полностью разочаровался в общественном прогрессе. Он издал очень актуальную не только для того времени, но и для нашей эпохи книгу «Разочарование в прогрессе», опубликованную в 1969 г.

Арон пишет, что 1968 г. глубоко разочаровал его в общественном прогрессе. «Все происходит, – заявляет французский мыслитель, – так, как будто разочарование в прогрессе, порожденное диалектикой современного общества и поэтому неизбежное, было подвержено испытанию молодым поколением шестидесятых годов с такой силой, что эндемическая неудовлетворенность вылилась в бунт»¹⁸.

Исследуя диалектику равенства, Арон подчеркивает, что мыслители всех времен мечтали о равенстве. Одни это равенство связывали с ростом производительных сил и повышением жизненного уровня людей, другие – с демократией, третьи – с уничтожением социальных классов. Но растут производительные силы, повышается жизненный уровень людей, расширяются демократические формы правления, стираются классовые различия, а равенства все равно нет.

То же самое наблюдается в социальной сфере. Так, если взять семью, то нельзя не заметить, что традиционная семья разрушается. Женщины требуют абсолютного равенства с мужчинами не только в семье, но в целом в обществе, что на самом деле нереально. Наоборот, усиливается неравенство. Растет число разводов, дети перестают уважать своих родителей.

Арон пишет, что человечество все больше и больше обобществляется. «Впервые оно имеет одну и ту же историю <...> с одной стороны, Организация Объединенных Наций, а с другой – Олимпийские игры»¹⁹. Транснациональные общества охватывают все больше и больше людей. Казалось бы, человечество должно жить единой жизнью. Но на самом деле наблюдается противоположная картина. Продолжается гонка вооружений. Ядерное оружие угрожает всему человечеству, усиливается неравномерное развитие, растет контраст между слаборазвитыми и развивающимися государствами, обостряются межнациональные отношения.

¹⁸ Aron R. Les désillusionna du progress: Essai sur la dialectique de la modernité. – Paris, 1969. – P. VIII.

¹⁹ Ibid. – P. 191.

Арон пессимистически смотрел на будущее человеческого общества. Он умер тридцать лет назад, и с тех пор многое изменилось, но изменилось, к сожалению, не в лучшую сторону. Поэтому пессимизм Арона вполне понятен.

Влияние Р. Арона в философии истории значительно. Он пользовался большим авторитетом среди западных философов истории. В 1971 г. во Франции к 65-летию со дня его рождения выпустили двухтомник, в котором опубликовались такие крупные буржуазные ученые, как А. Тойнби, Д. Белл, Б. де Жювенель и др. Оба тома посвящены исследованию вклада Арона в философию истории.

В 1985 г. вышла большая книга Арона под названием «История и политика», в которой собраны статьи, посвященные политике. Здесь же опубликованы высказывания многих выдающихся западных интеллектуалов об Ароне. Я приведу лишь слова бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера: «Никто на меня не оказал такого большого интеллектуального влияния, как Арон. Он был моим профессором в последний период моей университетской учебы. Он был блестящим критиком, когда я занимал официальные посты. Его позитивные отзывы поощряли меня, а критические замечания сдерживали меня... Арон был одним из крупнейших и видных интеллектуалов нашей эпохи»²⁰.

И в заключение. Арон основал общественно-философский журнал «Commentaire» («Комментарий»). Я его регулярно выписываю и читаю с большим интересом.

²⁰ Raymond Aron, 1905–1983: Histoire et politique: Témoignages, hommages de l'étranger, études, textes // Commentaire. – 1985. – Février. – Vol. 8. – Num. 28–29. – P. 129.